Der Zar und das Volk.

Prix: 25 cts.—20 pf.—2½ d.—5 cent.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Н. Н.

ЦАРЬ И НАРОДЪ.

№ 17.

Издательство „ВПЕРЕДЪ".

ЖЕНЕВА
Кооперативная типографія, 93, rue de Carouge 93.
1905.

Поступили на складъ экспедиціи „Впередъ“ слѣд. изданія:

1. **Горинъ и Лядовъ.** Четвертое лицо въ третейскомъ судѣ.
Цѣна: 5 cts. — 5 pf. — ½ d. — ½ cent.

2. **Заявленіе** заграничнаго представителя Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.
Цѣна: 5 cts. — 5pf. — ½ d. — ½ cent.

3. **Каутскій, Карлъ.** Соціальная революція.

Содержаніе: I. Соціальная реформа и соціальная революція. — II. На другой день послѣ соціальной революціи.
Цѣна: 1 fr. 50 cts.—1 m. 20 pf.—1 s. 3 d.—25 cent

4. **Заявленіе** по поводу сдачи партійно экспедиціи.
Высылается безплатно.

5. **Коментаріи** къ протоколамъ II-го съѣзда Заграничной Лиги Русской Революціонной Соціальдемократіи.)
Цѣна: 40 cts. — 35 pf — 4 d. — 8 cent.

6. **Ленинъ, Н.** Къ деревенской бѣднотѣ. (Объясненіе для крестьянъ, чего хотятъ соціальдемократы.
Цѣна: 80 cts. — 70 pf. — 8 d. — 16 cent.

7. **Ленинъ, Н.** Письмо въ редакцію „Искры“.
Цѣна: 15 cts. — 10 pf. — 1½ d. — 3 cent.

8. **Ленинъ, Н.** Письмо къ товарищу о нашихъ организаціонныхъ задачахъ.
Цѣна: 40 cts. — 35 pf. — 4 d. — 8 cent.

9. **Ленинъ, Н.** Шагъ впередъ, два шага назадъ. (Кризисъ въ нашей партіи).

Содержаніе: Предисловіе. — Подготовка съѣзда. — Значеніе группировокъ на съѣздѣ. — Начало съѣзда. Инцидентъ съ Организаціоннымъ Комитетомъ. — Распущеніе группы „Южный Рабочій“. — Инцидентъ съ равноправіемъ языковъ. — Аграрная программа. — Уставъ партіи. Проектъ тов. Мартова. — Пренія о централизмѣ до раскола внутри искровцевъ. — Параграфъ первый Устава. — Невинно пострадавшіе отъ ложнаго обвиненія въ оппортунизмѣ. — Продолженіе преній объ уставѣ. Составъ Совѣта. — Конецъ преній объ уставѣ. Кооптація въ центры. Уходъ делегатовъ „Рабочаго Дѣла“. — Выборы. Конецъ съѣзда. — Общая картина борьбы на съѣздѣ. Революціонное и оппортунистическое крыло партіи. — Послѣ съѣзда. Два пріема борьбы. — Маленькія непріятности не должны мѣшать большому удовольствію. — Новая „Искра“. Оппортунизмъ въ организаціонныхъ вопросахъ.— Нѣчто о діалектикѣ. Два переворота. — Приложеніе (Инцидентъ тов. Гусева съ тов. Дейчемъ).

10. **Либералы и соціалисты.**
Цѣна: 40 cts. — 35 pf. — 4 d. — 8 cent.

Der Zar und das Volk.

Prix: 25 cts.—20 pf.—2½ d.—5 cent.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Н. Н.

ЦАРЬ И НАРОДЪ.

№ 17.

Издательство „ВПЕРЕДЪ“.

ЖЕНЕВА
Кооперативная типографія, 93, rue de Carouge 93.
1905.

ЦАРЬ и НАРОДЪ

9 января 1905 года въ Петербургѣ произошла бесѣда царя съ народомъ. Рѣдко изволитъ бесѣдовать царь-батюшка съ своими любезными вѣрноподданными. А ужъ если разъ побесѣдуетъ, то долго бываетъ памятенъ этотъ день народу. И петербургскіе рабочіе никогда не забудутъ 9 января 1905 г. День этотъ настолько великъ и важенъ, что всѣ русскіе люди, весь русскій народъ долженъ хорошенько запомнить его! Весь народъ долженъ знать, какъ задумана и чѣмъ закончилась бесѣда царя съ рабочимъ народомъ.

Задумали эту бесѣду сами рабочіе. Плохо имъ жить, такъ плохо, что перомъ всего того не опишешь, что они только выносятъ. День-деньской, съ ранняго утра и до поздней ночи почти непрерывная работа, жалованьишко малое, квартира грязная, тѣсная, сырая. Начальство заводское и фабричное притѣсняетъ на каждомъ шагу, все наровитъ обмануть, не додать, обобрать; къ тому же ругательски ругается и рабочаго за человѣка ни почитаетъ. Живетъ рабочій, какъ скотина какая, стегаютъ его и направо, и налѣво, и сколько бы онъне работалъ,—всегда остаются недовольны, всегда ругаютъ пьяницей и лѣнтяемъ.

Всякому хочется тепла, сытости и довольства; рабочему человѣку не меньше, чѣмъ другимъ людямъ. Понятно, что заводское и фабричное житье со всѣми его мерзостями, униженіями и оскорбленіями издавна вызывало въ рабочихъ злобу. Покинуть фабрики нельзя:

гдѣ же иначе работу достать? Не въ деревню же идти! И вотъ рабочіе стали просить у хозяевъ прибавки жалованья, хорошаго обращенія, словомъ всего, что дѣлаетъ жизнь пріятнѣе и привѣтливѣе. Но хозяева народъ жадный. „Ишь, чего захотѣли, негодяи, лѣнтяи, пьяницы!“—кричали они на рабочихъ всегда, когда тѣ обращались къ нимъ съ просьбами. И сколько ни хлопотали рабочіе, сколько ни унижались, ни кланялись, ничего не выходило. Всѣ какъ будто сговорились противъ нихъ: мастера, инженеры, техники, директора, фабричные инспектора, сами хозяева. „Никакихъ уступокъ! Зазнались, черти!“ —говорило фабричное и заводское начальство.

Тогда рабочіе рѣшились дѣйствовать сообща и уже не просьбами, а стачкой. Заранѣе сговорившись, бросали они работу и требовали уступокъ. Но хозяева—народъ не промахъ: умѣютъ постоять за свою мошну. „Ага! Вы скопомъ дѣйствуете! А знаете ли вы, прохвосты вы этакіе, что по нашимъ, россійскимъ законамъ стачки запрещены!“ кричали они на рабочихъ. „Чего же тутъ беззаконнаго? — отвѣчали рабочіе.—Мы ничего худого не дѣлаемъ: ты насъ притѣсняешь, а мы своего требуемъ,—вотъ и все!“ Тогда хозяева живехонько призывали полицію и казаковъ. „Маршъ за работу, сволочь вы этакая!„—кричалъ какой нибудь приставъ или казачій офицеръ. „Я вамъ покажу, что значитъ бунтовать!“

Такъ совокупными усиліями полиціи и хозяевъ водворяли „порядокъ.“ А порядокъ по нашему, по россійскому бываетъ тогда, когда хозяева безъ удержу притѣсняютъ рабочихъ, а рабочіе безропотно, покорно переносятъ свою постылую жизнь. Полиція же получаетъ взятки и приговариваетъ: у насъ все смирно, все хорошо, однимъ словомъ, *порядокъ*.

Проходилъ годъ за годомъ. Рабочаго народу все прибывало и прибывало, а житье его ничуть не становилось лучше. Напротивъ, всяческія обиды и несправедливости происходили все чаще и чаще. Все

больше, все крѣпче стали призадумываться рабочіе, какъ бы это такъ помочь своему горю. Отъ хозяевъ пощады не жди, полиція стоитъ за хозяевъ. Развѣ попросить вышнее начальство? Быть можетъ оно придетъ на помощь рабочему люду.

И вотъ стали жаловаться рабочіе на свою жизнь то губернатору, то министру. Просятъ, просятъ рабочіе, пишутъ бумагу за бумагой, при случаѣ посылаютъ своихъ людей къ нимъ,—ничего не помогаетъ. Еще хуже пошло! Всѣ губернаторы и министры стоятъ за хозяевъ горой и тоже получаютъ отъ нихъ взятки. Знать не хотятъ они какихъ то тамъ рабочихъ. „Бунтовщики они, смутьяны они, ваше сіятельство!“—говорятъ хозяева и полиція. „А—а? Бунтовщики! Взять ихъ въ кутузку!“—приказываетъ вышнее начальство. А мелкое начальство разсвирѣпѣло еще пуще: „Вы жаловаться еще вздумали, дрянь вы этакая!—кричало оно. Я вамъ пропишу жаловаться!“

Стали искать зачинщиковъ. День и ночь шныряютъ жандармы по фабрикамъ и жилищамъ рабочихъ. Хватаютъ народъ и сажаютъ въ тюрьму, сначала избивъ, какъ слѣдуетъ. Теперь всѣ тюрьмы переполнены рабочими, да не мало поразослано ихъ въ разныя отдаленныя мѣста: въ Архангельскую губернію, въ Сибирь.

„Вотъ такъ оказія! — заговорили рабочіе. — За что? Что мы худого сдѣлали? Мы вѣдь только человѣческаго житья добиваемся. Неужто же за такое желаніе нужно въ тюрьму сажать, да въ Сибирь ссылать!“

Все больше и сильнѣе разгоралось ихъ сердце. Неужели же всю жизнь на скотскомъ положеніи жить? Неужели на Руси правды не найдешь? Неужто у насъ нѣтъ защитниковъ и покровителей?

„А что, ребята! Пойдемте-ка съ жалобой къ самому царю“,—сказалъ кто-то. И только сказалъ онъ эту мысль, какъ тысячи людей ее подхватили, по всему Питеру разнесли.

Всюду зашевелился рабочій народъ. Къ царю! Къ царю! Онъ только и остался, наша надежда и покровитель! Ни въ кого у насъ нѣтъ вѣры, ни въ какое начальство, всѣ притѣсняютъ насъ: но царь справедливъ; онъ, батюшка, все разсудитъ. Мы разскажемъ ему все на чистоту, по правдѣ, по совѣсти. Узнаетъ онъ, какъ горько живется намъ и повелитъ дать намъ все, что нужно для человѣческой жизни.

Такъ разсуждали раабчіе по всѣмъ угламъ огромнаго Питера.

Нашлись, правда, и такіе — это были соціальдемократы — которые говорили: не дѣло вы затѣяли, ребята! Не будетъ царь съ вами разговаривать, а велитъ прогнать, а то и похуже что сдѣлаетъ. Неужто вы не понимаете, что онъ заодно со всѣми вашими угнетателями!“

Но мало, кто слушалъ эти рѣчи. Еще меньше, кто ихъ понималъ. „Какъ же это можно — возражали многіе, — мы идемъ къ царю съ просьбой, а онъ насъ прогонитъ. Да какой же онъ царь послѣ этого! Нѣтъ, все выйдетъ честь честью!“

И вотъ въ началѣ января стали бросать работу. Въ субботу 8 января бастовали уже всѣ фабрики и заводы Питера. Болѣе ста пятидесяти тысячъ рабочихъ рѣшили итти къ царю.

На это назначали воскресенье 9 января. Порѣшили собраться на площади передъ Зимнимъ дворцомъ, вызвать царя и передать ему бумагу, въ которой описаны были всѣ нужды рабочихъ. Хотѣли тутъ же, на мѣстѣ получить отъ него отвѣтъ, что все будетъ исполнено.

Всю недѣлю готовились къ воскресенью. Пятницу и субботу посвятили на то, чтобы сговориться, чего просить у царя. Всюду происходили собранія рабочихъ: на улицахъ, въ трактирахъ, переулкахъ. Все толковали и толковали.

Къ рабочимъ пристало много студентовъ, которые тоже стояли за нихъ, и одинъ священникъ Га-

понъ. Много есть въ Питерѣ жирныхъ, толстопузыхъ поповъ, но только одинъ нашелся, который не побоялся присоединиться къ рабочимъ. Очень ужъ любилъ онъ рабочій людъ и, самъ будучи сыномъ крестьянина, зналъ всѣ бѣды и несчастья народной жизни.

Въ субботу Гапонъ послалъ царю письмо. „Государь! — писалъ онъ — не думай, что твои министры сказали тебѣ всю правду о современномъ положеніи. Народъ весь вѣритъ въ тебя, онъ рѣшилъ явиться завтра въ два часа пополудни къ Зимнему дворцу, чтобы представить тебѣ свои нужды". Гапонъ просилъ царя не бояться и явиться передъ народомъ.

Конечно, отвѣта на свое письмо Гапонъ не получилъ. Но въ субботу уже по всему Питеру разгуливали солдаты, разъѣзжали свирѣпые казаки съ нагайками и жандармы съ саблями наголо. Но народъ не думалъ, не гадалъ, что вся эта воинская рать собрана противъ него.

Наступило воскресенье. Съ утра сталъ стекаться народъ на площадь передъ Зимнимъ дворцомъ. И что же, пришелъ царь выслушать своихъ вѣрноподданныхъ? Поговорилъ онъ съ ними по душѣ, разузналъ о ихъ житьѣ-бытьѣ? Обѣщалъ помочь?

Ничуть не бывало! Самъ Николай не захотѣлъ даже оставаться въ Питерѣ и удралъ въ Царское Село. Въ Питерѣ же остался распоряжаться всѣми дѣлами его дядя, князь Владиміръ. „Дѣлай, что хочешь — говорилъ Николай, уѣзжая, своему дядѣ. — Главное, повадки не давай народу, больно ужъ онъ избаловался". „Ладно,—отвѣчалъ князь Владиміръ, — я имъ, мерзавцамъ, покажу. Такую баню устрою, что навсегда отучу отъ этакихъ штукъ!"

Сказано-сдѣлано! Владиміръ распорядился никого не пускать къ Зимнему дворцу, а если будутъ все-таки итти—стрѣлять.

Рабочіе и не думали, чтобы солдаты свой вѣдь народъ! — стали стрѣлять въ беззащитныхъ людей. И какъ горько они ошиблись! Какъ дикіе звѣри,

набросилась военщина на людей и стала безъ разбора палить въ толпу, — убивали стариковъ, женщинъ, дѣтей. Стрѣляли съ 11 часовъ утра до поздней ночи. Полилась ручьями невинная рабочая кровь.

Сначала народъ изумился: какъ такъ! Они идутъ къ царю, своему, можно сказать, отцу, а въ нихъ стрѣляютъ, какъ въ собакъ бѣшеныхъ! За что?

Потомъ испугались. Наконецъ, пришли въ страшный гнѣвъ и стали яростно обороняться отъ солдатъ и казаковъ. Но что сдѣлаешь съ воинской силой съ одними голыми руками!

А начальство военное потирало себѣ руки отъ удовольствія и приговаривало: такъ, такъ ихъ, мерзавцевъ, и надо! Разъ навсегда отучимъ ихъ! Пуще всѣхъ радовался самъ Владиміръ, дядюшка царя. Онъ уже заранѣе распорядился, что бы были готовы мѣста въ больницахъ, для раненыхъ. Зналъ его высочество, что много такихъ будетъ!

Всѣ больницы переполнились убитыми и ранеными. Перебили народу столько, сколько не падало въ иной битвѣ съ японцами. Уложили на мѣстѣ больше тысячи пятисотъ человѣкъ, да нѣсколько сотъ умерло отъ ранъ въ больницахъ, да еще нѣсколько сотъ изувѣчили на всю жизнь: кому глазъ попортили, кому руку, кому ногу.

Сколько слезъ было пролито въ Питерѣ послѣ этого—и не сообразишь! Сколько осиротѣлыхъ семей, мужей безъ женъ, женъ безъ мужей, матерей безъ дѣтей осталось, сколько дѣтей лишилось своихъ ролителей — кормильцевъ!

Такъ-ко окончился разговоръ царя съ народомъ! Такъ то принялъ онъ, отецъ-батюшка, своихъ вѣрноподданныхъ!

Ну, а что же отвѣтили рабочіе на это? „Былъ у насъ царь — говорили они, — ну, а теперь нѣтъ у насъ царя. На кой чертъ онъ намъ? такой же разбойникъ, какъ и всѣ его министры! И дураки же мы были, что вѣрили ему раньше!“

А князь Владиміръ, перебивъ съ благословенія племянничка столько народу, распорядился, чтобы мертвыхъ хоронили ночью, тайкомъ. Цѣлыми возами вывозили тѣла рабочихъ изъ Питера, бросали въ ямы и зарывали. Испугался убійца гнѣва народнаго и старался, какъ нибудь половчѣе схоронить концы въ воду.

На другой день правительство оповѣстило, что, молъ, рабочіе въ Питерѣ бунтовали, а войско должно было стрѣлять въ бунтовщиковъ; убито де при этомъ 76 человѣкъ. Черезъ два-дня оно добавило еще 20 человѣкъ. Это вмѣсто 2000 съ лишкомъ убитыхъ всего 96 человѣкъ! Но вѣдь у нашего правительства нѣтъ ни стыда, ни совѣсти. Оно вѣдь только и держится обманомъ.

Правительство не разсказало, почему рабочіе пошли съ просьбой къ самому царю. Оно умолчало, что народъ много страдалъ и, когда ужъ не втерпежь стало, пошелъ къ царю, пошелъ мирно, безъ оружія, съ довѣріемъ, все равно, какъ къ отцу родному. Умолчавъ это, правительство свалило все на „неблагонадежныхъ“ людей, смутьяновъ разныхъ, — они, молъ, подстрекнули народъ; безъ нихъ, молъ, рабочіе никогда бы не вздумали итти къ царю.

А царь тѣмъ временемъ спохватился. „Ужъ не слишкомъ ли я черезъ край хватилъ! — думалъ онъ. И вотъ порѣшили они съ царицей „облагодѣтельствовать“ семьи убитыхъ, объявили, что выдадутъ имъ 50 тысячъ рублей, т. е. въсреднемъ по 25 рублей на семью. Дешевенько ты, царь, цѣнишь жизнь рабочаго человѣка! Да и не нужны ему твои деньги, невинной человѣческой кровью запачканы онѣ.

На подмогу правительству сейчасъ же пришли наши митрополиты, — одна компанія! какъ извѣстно, они засѣдаютъ въ „святѣйшемъ Синодѣ.“ Такъ вотъ этотъ самый будто бы „святѣйшій“ синодъ выпустилъ бумажку къ народу. У насъ на Руси все хорошо — говорится въ этой бумажкѣ. Царь управляетъ, народъ

повинуется, порядокъ, однимъ словомъ. Только вотъ смутьяны разные появились, получаютъ деньги отъ японцевъ и сѣютъ смуту. Они, молъ, и виноваты во всемъ.

Врутъ почтенные жирные митрополиты, врутъ, какъ самые послѣдніе люди; врутъ, надѣясь на темноту да на невѣжество русскаго народа. Глупъ мужикъ, всему повѣритъ—разсуждаютъ они.

Только напрасно стараетесь, почтенные господа! Прошло ужъ то времячко, когда русскіе люди вѣрили всему, что имъ говорило начальство и попы. Теперь ужъ не такъ-то вѣрятъ, – больно ужъ безсовѣстно стали сосать народную кровь всѣ эти большіе и малые начальники, начиная съ царя и кончая урядникомъ.

Всюду разореніе, вездѣ стонъ и плачъ, вездѣ одно недовольство. Гдѣ жъ жъ тутъ вѣрить!

Изъ года въ годъ слышимъ мы сладкія рѣчи о заботѣ царя о народѣ. А гдѣ эти заботы, въ чемъ онѣ проявляются?

Подати съ народа дерутъ пуще прежняго. Хороша „забота“!

Начальство помыкаетъ простымъ человѣкомъ еще злѣе, чѣмъ раньше. Тоже „забота.“

Всѣ тюрьмы переполнены невинными людьми за то, что они говорили правду. Опять „забота.“

Завели войну съ Японіей. Народу война эта не нужна, гибельна и разорительна для него. Войну завели, а съ японцемъ справиться не умѣютъ. Бьетъ японецъ нашихъ на каждомъ шагу, да и все. А отчего? Потому, что начальство наше больше заботится о своихъ карманахъ, чѣмъ о солдатахъ. Голодные, полуодѣтые, обруганные солдаты наши куда хуже сытыхъ, одѣтыхъ японскихъ солдатъ. Не правда ли, большая „забота“ о народѣ?

А когда народъ хочетъ просить самаго царя, царь велитъ стрѣлять въ него. Это тоже отъ великой „заботы“!

Какъ же можно послѣ всего этого вѣрить царю, его правительству и всѣмъ его приспѣшникамъ?

Нѣтъ, вѣрить ему ни на грошъ нельзя!

У насъ нѣтъ законнаго правительства, нѣтъ царя.

Царь, министры и все начальство — это кровопійцы народные.

Народъ долженъ какъ можно скорѣе освободиться отъ всей этой дряни. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Велика нужда петербургскихъ рабочихъ. А рабочіе другихъ городовъ развѣ лучше живутъ? А крестьяне наши развѣ благоденствуютъ?

Начальство всячески притѣсняетъ и угнетаетъ петербургскихъ рабочихъ. Оно хочетъ закабалить ихъ на всю жизнь. Оно требуетъ, чтобы они превратились въ скотину рабочую.

А рабочіе другихъ городовъ много хорошаго видятъ отъ своего начальства? А крестьяне ласку и привѣтъ находятъ у начальства?

Нѣтъ, вездѣ страдаетъ русскій народъ, страдаетъ несказанной и великой мукой. И мучители ихъ — царь и его правительство.

Долой царя! Долой продажное, кровожадное правительство!

Вездѣ идетъ теперь смута на русской землѣ. Дуракъ тотъ, кто думаетъ будто враги народа производятъ эту смуту. Нѣтъ, смута идетъ оттого, что правительство наше не умѣетъ управлять страной. Оно умѣетъ кричать, драться, обдирать народъ, какъ липку; оно умѣетъ накладывать все новыя и новыя подати, заводить никому ненужныя и разорительныя войны, умѣетъ тысячами убивать безоружныхъ людей, но самаго то главнаго своего дѣла — управлять — оно и не понимаетъ.

Управлять кнутомъ, нагайкой, да пулей нельзя.

Надо знать нужды народа, а знаетъ ихъ только

—самъ народъ. Стало быть уравлять страной можетъ только самъ народъ.

До сихъ поръ у насъ было *царское* правительство. Оно помыкало народомъ, сосало его кровь.

Теперь намъ нужно *народное* управленіе.

Вотъ это то народное управленіе мы теперь и должны создать. Мы должны уничтожить царское правительство и поставить на его мѣсто новое, болѣе хорошее, болѣе подходящее ко времени.

А такое правительство можетъ создать только самъ народъ. Избави богъ, если чиновники возьмутся за это дѣло: только изгадятъ все. Но какимъ же образомъ можетъ народъ создать новое правительство? Очень просто. Пусть весь народъ : крестьНужно только позаботиться о томъ, чтобы въ это собраніе довѣренныхъ людей, — въ учредительное собраніе — избирались *одинаково*, какъ дворяне, такъ и рабочіе и крестьяне, чтобы правомъ выбора обладали всѣ взрослые люди нашей страны безъ исключенія. Нужно постараться, чтобы выборы въ учредительное собраніе происходили на основѣ всеобщаго, прямого, тайнаго и равнаго избирательнаго права.

19 февраля, стало быть мѣсяцъ спустя послѣ петербургской бойни, царь издалъ указъ о томъ, чтобы созвать представителей народа для участія въ выработкѣ законовъ. Но это не то, что нужно народу, это новый обманъ царскаго правительства. Намъ, всѣмъ жителямъ русскаго государства, нужно народное управленіе, а царь всю власть оставляетъ по прежнему за собой. Представителямъ же народнымъ онъ не даетъ никакихъ правъ, эти представители должны лишь давать ему совѣты, но онъ воленъ прияне, рабочіе, купцы, ремесленники, дворяне всѣ безъ всякаго различія сословій выберутъ своихъ довѣренныхъ. Довѣренные эти — представители народные — пусть соберутся вмѣстѣ и, посовѣтовавшись, установятъ новый государственный порядокъ на Руси.

нимать или не принимать ихъ. Все остается по прежнему, по старому, да и представителей то онъ хочетъ не *отъ всего* народа, а только отъ богачей да знати. Знаемъ мы, какъ знать да богачи заботятся о народѣ!

Нѣтъ, не поддадимся на обманъ! Будемъ требовать по прежнему созыва учредительнаго собранія и пусть это собраніе само разсудитъ, какъ устроить новый порядокъ на русской землѣ.

И прежде всего учредительное собраніе должно уничтожить царское правительство совсѣмъ и навсегда. Царь совершилъ 9 января глубочайшее и омерзительнѣйшее преступленіе: это на его душѣ лежатъ тысячи убитыхъ людей. Царь-преступникъ, царь-убійца не достоинъ царствовать. Ему нужно сказать: скатертью дорога! Провалива́й!

Но не только Николая II нужно лишить короны, а и вообще *не надо намъ царя*. Кому онъ нуженъ? Всякій царь есть обуза для народа, — страной не управляетъ, только народныя денежки проживаетъ да окружаетъ себя всякими прохвостами и выжигами, которые во имя его притѣсняютъ народъ. Страной мы сумѣемъ управляться и безъ него. Французы, американцы и многіе другіе народы давно уже живутъ безъ царя и вовсе не жалуются, напротивъ, — рады, что избавились отъ лишнихъ дармоѣдовъ.

Такое правленіе безъ царя называется *республикой*. Вотъ мы и должны установить у себя республику.

Въ республикѣ нашей будетъ полная свобода слова и совѣсти. Насъ не будутъ сажать въ тюрьмы за вѣру, за стачку, за смѣлое и правдивое слово.

Полиція не посмѣетъ хватать перваго встрѣчнаго и поперечнаго и бросать въ тюрьму. Мы установимъ отвѣтственность передъ народомъ чиновниковъ и полиціи. Тогда мы свободно будемъ обсуждать наши народныя нуж-ды и свободно бороться за лучшую жизнь.

Но царское правительство вовсе не хочетъ созвать учредительное собраніе. Оно боится его, какъ огня. Оно крѣпко держится за свою власть и хочетъ сохранить ее на вѣки вѣчные. Но царское правительство можетъ жить, только угнетая народъ. Поэтому, если народъ хочетъ жить *по своей* волѣ, онъ долженъ избавиться отъ царскаго правительства.

Это ничего, что царю и его приспѣшникамъ не хочется созвать учредительное собраніе. Мы, весь народъ, *заставимъ* его сдѣлать это. Какимъ же образомъ?

У нашего правительства двѣ опоры: деньги и войско. Деньги оно беретъ съ народа, а войско состоитъ тоже изъ крестьянскихъ парней да молодыхъ рабочихъ.

И деньги народныя и солдатъ, взятыхъ изъ народа, царь употребляетъ на то, чтобы держать этотъ народъ въ бѣдности и униженіи.

Намотаемъ это себѣ на усъ и спросимъ: откуда возьметъ царь деньги и солдатъ, если народъ не дастъ ему ни того, ни другого?

Безъ денегъ и безъ солдатъ царское правительство ничего не подѣлаетъ съ народомъ.

Пусть же всѣ крестьяне заявятъ: *не хотимъ давать нашимъ кровопійцамъ податей, не хотимъ давать имъ солдатъ.* Не будемъ слушаться начальства до тѣхъ поръ, пока царь не объявитъ выборы въ учредительное собраніе. Ну, а если царь и послѣ этого еще будетъ упрямиться, такъ мы сами созовемъ собраніе, а напередъ швырнемъ его съ престола.

Вотъ что долженъ знать и помнить теперь всякій рабочій, всякій крестьянинъ.

Рабочіе давно уже проснулись отъ тяжкаго сна рабовъ. Давно уже выступили они на борьбу съ царскимъ правительствомъ, борьбу за свободу и человѣческую жизнь. И чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе и крѣпче становится ихъ борьба, тѣмъ все больше и больше дрожитъ царь за свою власть. Рабочіе по-

няли, что лучше умереть въ борьбѣ, чѣмъ въ когтяхъ фабрикантовъ и полиціи.

Крестьянамъ тоже пора возстать на своего злѣйшаго врага, т. е. на царское правительство. Больно уже долго спитъ русскій крестьянинъ, пора ему проснуться и расправить свои богатырскія плечи. Расправить и смахнуть народныхъ піявокъ!

Но крестьяне должны крѣпко помнить: дѣйствовать сообща, дружно, — одинъ за всѣхъ и всѣ за одного. Нужно составлять тайные союзы и зорко оберегаться отъ полиціи.

Есть у крестьянъ надежный и сильный союзникъ; это городскіе рабочіе. Они уже имѣютъ свою партію, которая называется рабочей соціалдемократической партіей. Партія эта борется за дѣло всего народа.

Чтобы, какъ слѣдуетъ, бороться, крестьяне должны объединиться съ рабочими. Въ то же время надо точно различать, кто врагъ и кто другъ народа въ настоящее время.

Мы уже знаемъ, что самый вѣрный и надежный другъ крестьянъ — это рабочіе, а самый злѣйшій врагъ ихъ — это царское правительство.

Поэтому, не вѣрьте попамъ и всѣмъ тѣмъ, кто говоритъ, будто царь охраняетъ страну и защищаетъ народъ. Разоряетъ онъ народъ, а не охраняетъ.

Не вѣрьте и тѣмъ, кто будетъ болтать, будто японцы и англичане мутятъ народъ. Все это вздоръ и говорится для отвода глазъ. Царь и его опричники страшнѣе для народа всѣхъ японцевъ и англичанъ.

Не вѣрьте земскимъ начальникамъ, исправникамъ, становымъ и прочему начальству. Они стоятъ на службѣ царской, продали ему за деньги свою душу и тѣло и вмѣстѣ съ нимъ сосутъ народную кровь.

Не вѣрьте тѣмъ, которые увѣряютъ, будто всѣ бѣды народа отъ евреевъ, армянъ и другихъ инородцевъ. Это говорятъ царскіе приспѣшники для отвода глазъ. Ловкіе воры всегда такъ дѣлаютъ: ук-

радутъ, а затѣмъ первые же и кричатъ: лови его, держи его! Ну простаки и думаютъ, будто онъ честный малый, а воръ-то кто нибудь другой.

Если есть у васъ знакомые солдаты, уговаривайте ихъ не стрѣлять въ народъ, а въ случаѣ чего переходить на сторону народа.

Будемъ дѣйствовать дружно и мы побѣдимъ ту свору негодяевъ, которые завладѣли русской землей и помыкаютъ многомилліоннымъ русскимъ народомъ.

Долой царское правительство! Да здравствуетъ республика!